

на первый взгляд могло показаться, что речь шла о наказании порока и торжестве добродетели, но в действительности на первый план выдвигалась изобретательная самозащита Димны, и глава о суде рисовала «сложные взаимоотношения в человеческом обществе». ²⁵ Хитрый шакал цитировал Коран, остроумно высмеивал своих обвинителей. ²⁶

В греческом варианте черты святости в образе Ихнилата были еще усилены: отвечая обвинителям, шакал напоминал им евангельские слова о людях, которые не видят бревна в своем глазу и ищут сучок в очах ближнего, цитировал Библию. ²⁷ В славянском варианте аргументация Ихнилата была дополнена еще одним мотивом, тоже достаточно традиционным, — возражая матери льва, своей главной обвинительнице, шакал приводил один из излюбленных аргументов церковной литературы: «Нестъ лепо женамъ въ мужьские вещи выходити, ни мужу в женска. О горе тому мужу и дому его, идеже жена обладаеть!». ²⁸ Сюжет этот был настолько близок для древнерусской письменности, что составители одной из русских редакций не удержались от дальнейшего расширения этой аргументации, прибавив еще рассуждения о женах отравительницах, волшебницах и блудницах. ²⁹ Трудно сказать, какую цель преследовали старательные редакторы, вставляя эти поучения, но для читателя столь привычные слова, вложенные в уста заведомого преступника, явно теряли свой первоначальный смысл и рисовали лицемерие и цинизм героя.

Совсем мало учительным оказывался в «Стефаните и Ихнилате» и исход суда над Ихнилатом. В «Калиле и Димне» Димна, несмотря на остроумную защиту, был в конце концов уличен в преступлении. Против хитрого шакала, в соответствии с законом, выступали свидетели: леопард, слышавший беседу Калилы с Димной, во время которой Димна (еще до заточения) сознавался в том, что оклеветал быка, и некий зверь, подслушавший такой же разговор между обоими шакалами в тюрьме. «И собрались, таким образом, против Димны два свидетельства. Лев послал свидетелей к Димне, и они победили его, бросив ему в лицо те же речи». ³⁰ В греко-славянском варианте этой сцены уличения преступника не было — исход суда определялся исключительно настояниями матери льва: «Виде убо лев насилие матери своеа, повеле, да убьют Ихнилата». ³¹ Суд над Ихнилатом оказывался здесь на всем протяжении рассказа неправым судом; во время свидания со Стефанитом в тюрьме Ихнилат высказывал опасения, что Стефанит будет подвергнут пыткам и «исповедает» его

²⁵ G. Richter. Studien zur Geschichte der alteren arabischen Fürstenspiegel (Leipziger Semitische Studien, N. F., Bd. III), Leipzig, 1932, стр. 23—28. Точка зрения Рихтера представляется нам более справедливой, чем мнение исследователей, писавших до него и отмечавших только внешний смысл главы о суде над Димной — наказание преступника (ср.: Th. Benfey. Pantschatantra, T. I, стр. 298; Th. Nöldeke. Zu Kalla wa Dimna. — Ztschr. der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, B. 59, Leipzig, 1905, стр. 797; C. Brockelmann. Kalila wa Dimna. — Encyclopédie de l'Islam, t. II. Leyde—Paris, 1927, стр. 738). Т. Нёльдеке, впрочем, также указывал, что глава о суде над Димной обнаруживает «ловкость» хитрого шакала и что обвинение против него строится лишь на подслушанных разговорах (Th. Nöldeke. Burzōes Einleitung zu dem Buche Kalila wa Dimna. Schriften der Wissenschaftl. Gesellschaft in Straßburg, 12. Heft; Straßburg 1912, стр. 2, прим. 4).

²⁶ См.: Калила и Димна, стр. 125—127, 137—141.

²⁷ См.: S.—I., II, 60 и 66; Стефанит и Ихнилат (изд. А. Викторова). М., 1881 (ПДП, LXIV и LXXVIII), стр. 36, 37 и 39.

²⁸ Стефанит и Ихнилат (изд. А. Викторова), стр. 37.

²⁹ См.: Стефанит и Ихнилат (изд. Ф. Булгакова). СПб., 1887—1888 (ПДП, XVI и XXVII), стр. 43.

³⁰ Калила и Димна, стр. 142.

³¹ S.—I., II, 72; Стефанит и Ихнилат (изд. А. Викторова), стр. 43.